

Факторы, противостоящие пониманию

Factors preventing understanding

В. М. Алпатов

V. M. Alpatov

Иногда участники процесса коммуникации сознательно используют стратегию, затрудняющую или исключаящую понимание. Бывают два вида такой стратегии. Говорящий может строить свою речь способом, исключаящим ее понимание чужими: тайные языки. Однако говорящие могут использовать языки (или разновидности языков) в любой ситуации независимо от того, как ими владеют собеседники. Такая стратегия связана с потребностью идентичности. Например, в Белоруссии национально ориентированные граждане могут говорить только по-белорусски даже с одноязычными носителями русского языка. Они подчеркивают престиж белорусского языка ценой затруднений в коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, говорящий, понимание, тайные языки, потребность идентичности, престиж языка

Sometimes participants in the communicative process use a conscious strategy of hampering or preventing understanding. This strategy comes in two varieties. The speaker can speak in a way that keeps outsiders from understanding: secret languages. Besides this, speakers can use a language (or language variety) in any situation, regardless of whether or not the fellow interlocutor knows this language. Such a strategy is related to the need for identity. For instance, in Belorussia some nationalistically-minded people choose to speak only Belorussian even with monolingual Russian speakers. In doing this, they emphasize the prestige of Belorussian even though it increases the difficulty in communicating.

Keywords: communicative strategies, speaker, understanding, secret languages, need for identity, language prestige

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-158-163

Очевидно, что процесс коммуникации требует взаимного понимания участников. Однако в ряде случаев участник общения сознательно использует стратегию, затрудняющую или исключающую понимание под влиянием факторов, которые представляются ему более важными. При этом бывают две принципиально различные ситуации: сознательная ориентация на «посвященных» и коммуникация, при которой говорящий создает затруднения в понимании его высказываний собеседником независимо от языковой компетентности последнего.

Первая ситуация хорошо известна: это употребление языков, заведомо известных только части потенциальных слушающих. В этой функции могут выступать как тайные языки, так и языки меньшинств. Побывавший на Сахалине в 1890 г. А. П. Чехов писал: «В Большом Такоэ крестьянин из ссыльных Калевский сожительствует с аинкой» [Чехов 1956: 257]. Экспедиция Института востоковедения АН СССР во главе с А. Н. Барулиным в 1978 г. в поисках носителей айнского языка нашла их внука, который рассказывал, как во времена его детства дедушка (поляк) и бабушка сговаривались по-айнски при игре в карты. Вымиравший язык на последнем этапе существования использовался как тайный.

Бывает и так, что говорящий рассчитывает на разное понимание его речи разными окружающими. Русский мат, разумеется, к сожалению, общепонятен, а преобладающие в СМИ его оценки известны. Но вот журналистка В. Цветкова [НГ – Антракт, 23.09. 2011] писала: «Мне понравилось, как... Троицкий сказал, что мат в ханжеской стране является кодом свой/чужой и потому необходим». А вот что писал о СССР ныне покойный лингвист К. Ф. Седов. «Часть российской интеллигенции, осознающая абсурдность каждодневных реалий дурдома, в котором нам всем пришлось обитать, вносила рефлексивно-критическое начало в самоощущение членов социума. Среда обитания все отчетливее представлялась жителям государства в виде вывороченного запредельного мира. Для передачи

же этого чувства запредельности бытия необходимы были запредельные же языковые способы выражения. Русский мат как нельзя лучше подходил для осуществления подобных коммуникативно-экспрессивных целей. Сквернословие в эпоху застоя становилось составной частью бытового общения языковых личностей, стоявших на особенно высоких ступенях развития речевой культуры.... Мат... уничтожал дух официальной неправды и нравственной несвободы» [Седов 2012: 166]. То есть, согласно К. Ф. Седову, матерные высказывания рассчитаны на разное понимание. Для профанов (особенно для нелюбимых «элитой» интеллигентов в первом поколении) это «грубейшие, невыносимо вульгарные выражения». Но для «стоящей на особенно высоких ступенях развития речевой культуры» интеллигенции — средство борьбы с «нравственной несвободой» и идентификатор «своих». И всё-таки мат остается матом, а речевая культура — речевой культурой.

Но затруднять понимание могут и факторы, прямо не связанные с отношением к собеседнику. В том числе, это демонстрация владения престижным языковым образованием.

Известен легендарный валлиец, пытавшийся говорить только на своем языке, что привело его к серьезным затруднениям. Но вот реальное лицо — Н. Багинская, которую именуют «главной бабушкой белорусской революции». Она в борьбе с А. Лукашенко гордилась тем, что с 1988 г. говорит только на белорусском языке [Новая газета, 13.11.2020]. Этот язык, конечно, похож на русский, но, наверняка, бывали случаи затруднений в понимании. Однако важна потребность идентичности, в данном случае утрированная. В языковой ситуации в Белоруссии могут быть разные представления о престижности двух языков. Но режиссер существовавшего в Минске подпольного театра пять лет разговаривала только на белорусском языке, однако, как сама призналась, «русскоязычное окружение меня преодолело», большинство спектаклей шли

на русском языке, иначе не всё бы доходило до зрителей [Новая газета, 15.02.2018].

И вроде бы иной, не политический случай. В Японии, где свободное знание английского языка невелико, употребление английских слов стилистически маркировано. Большинство заимствований связано со сферой престижного потребления [Алпатов 2001]. Отмечают их для обозначения всего необычного [Stanlaw 2004: 238–239], они создают эффект новизны, которая не всегда предполагает понятность [Takiura 2007: 9]. Их использование не обязательно свидетельствует об их знании читателями или слушателями. Еще в 1960-е гг. отмечали, что средние японцы не знают половины американизмов, используемых в журналах [Seward 1968: 100], хотя ими модно называть потребительские товары [Seward 1968: 67–68]. Массовое исследование речи девушек показало, что ни одно слово не было правильно описано более чем половиной информантов [Tanaka 1984: 67–72]. Девушки просто не задумывались над значением таких слов, но понимали «имидж» американизмов, их «элитарность», принадлежность к сферам престижного потребления и связанной с США культуры.

У нас такое отношение к английским заимствованиям также бывает. Но престижным может быть не только иностранный язык, но и «возвышенный» вариант своего языка, что часто бывает при распространении нормированного языка «вширь», как было в СССР в 20–30-е гг., когда широкие массы осваивали литературную норму, прежде всего в деловой сфере. К. И. Чуковский писал об обывателе тех лет: «Он гордится не только отличной женой, но и тем, что ему доступны такие слова, как *конфликтовать*, *лимитировать*» [Чуковский 1966: 140]. При этом не всегда имело место понимание, как в известном примере, приписываемом А. А. Реформатскому: «*Я в этом не Копенгаген* (вместо *не компетентен*)»; впрочем, может быть, это и пример языковой игры. Не случайно как раз тогда писал А. М. Пешковский: «В нашей деревне го-

воят непонятно только придурковатые да те, которые хотят “свою образованность показать” (то есть задетые уже литературным наречием)» [Пешковский 1925/1960: 338]. Освоение этого «наречия» часто идет с трудом.

Итак, при всей важности потребности взаимопонимания бывают ситуации, когда она отступает перед социальными факторами. В связи с ними возникают различия в интерпретации тех или иных единиц языка. Любопытно, что для того, кто подчеркивает свою принадлежность к «элите», может быть престижен мат, а для менее образованного человека малопонятное заимствование. Но там и там язык разграничивает людей.

Литература

Алпатов В. М. Американизация японского и русского общества по языковым данным // *Российские востоковеды в память о М. С. Капице*. Очерки, исследования, разработки. Москва, 2001.

Пешковский А. М. Объективная и нормативная точки зрения на язык // Звегинцев В. А. *История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях*. Ч. II. Москва, 1960.

Седов К. Ф. Банный дискурс (мужское дружеское общение на материале анализа гипержанра РАЗГОВОР В БАНЕ) // *Жанры речи*. 8. Памяти Константина Федоровича Седова. Москва–Саратов, 2012.

Чехов А. П. *Собрание сочинений*. Т.10. Москва, 1956.

Чуковский К. *Собрание сочинений*. Т.3. Москва, 1966.

Seward J. *Japanese in Action*. New York–Tokyo, 1968.

Stanlaw J. *Japanese Language: Language and Culture Contact*. Hong Kong University Press, 2004.

Stevens C. S. *Japanese Popular Music: Culture, Anthropology, and Power*. London–New York, 2008.

Takiura M. “Mezasu” koto to “noberu” koto // *Nihongogaku*, 2007, 11.

Tanaka N. Nihongo no naka no “katakana eigo” // *Gengo seikatsu*, 1984, 8.

References

Alpatov V. M. Amerikanizatsiya yaponskogo i russkogo obshchestva po yazykovym dannym [Americanization of Japanese and Russian society according to linguistic data] // *Rossiyskie vostokovedy v pamyat' o M. S. Kapitse. Ocherki, issledovaniya, razrabotki*. Moskva, 2001. (In Russ.)

Chekhov A. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. T.10. Moskva, 1956. (In Russ.)

Chukovskiy K. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. T.3. Moskva, 1966. (In Russ.)

Peshkovskiy A. M. Ob"ektivnaya i normativnaya tochki zreniya na yazyk [Objective and normative perspectives on language] // Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznanija XIX i XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Ch. II. Moskva, 1960. (In Russ.)

Sedov K. F. Bannyi diskurs (muzhskoe družeskoe obshchenie na materiale analiza giperzhanra RAZGOVOR V BANE) [Bath discourse (male friendly communication based on the analysis of the hypergenre CONVERSATION IN THE BATH)] // *Zhanry rechi. 8. Pamyati Konstantina Fedorovicha Sedova*. Moskva–Saratov, 2012. (In Russ.)

Seward J. *Japanese in Action*. New York–Tokyo, 1968.

Stanlaw J. *Japanese Language: Language and Culture Contact*. Hong Kong University Press, 2004.

Stevens C. S. *Japanese Popular Music: Culture, Anthropology, and Power*. London–New York, 2008.

Takiura M. “Mezasu” koto to “noberu” koto [“Aim” and “Novel”] // *Nihongogaku*, 2007, 11. (In Japanese)

Tanaka N. Nihongo no naka no “katakana eigo” [“Katakana English” in Japanese] // *Gengo seikatsu*, 1984, 8. (In Japanese)

Алпатов Владимир Михайлович

Института языкознания РАН

Москва, Россия

Alpatov Vladimir Michailovich

Institute of Linguistics RAS

Moscow, Russia

v-alpatov@ivran.ru